

DOI 10.31029/vestdnc89/12

УДК 811.351

ДЕМИНУТИВЫ В СЕМЕЙНОМ ДИСКУРСЕ НАХСКО-ДАГЕСТАНСКИХ ЯЗЫКОВ

М. Я. Хачукаева, ORCID: 0009-0001-9572-0144

Российский исламский университет им. Кунта-Хаджи, Грозный, Россия

THE DEMINUTIVES IN THE FAMILY DISCOURSE OF THE NAKH-DAGHESTAN LANGUAGES

M. Ya. Khachukaeva, ORCID: 0009-0001-9572-0144

Russian Islamic University named after Kunta-Haji, Grozny, Russia

Аннотация. В статье исследуются деминутивы, используемые в семейном дискурсе нахско-дагестанских языков в качестве вокативов. Актуальность темы исследования обусловлена неразработанностью прагматического и семантического аспектов вокативов, обслуживающих семейный дискурс нахско-дагестанских языков, а также тем фактом, что в науке о языке пока еще не определен ни формальный, ни функциональный статус, ни прагматический потенциал категории деминутивности. На материале нахско-дагестанских языков демонстрируется, что деминутивы в коммуникативном акте «взрослый – ребенок» обозначают не столько уменьшительность, сколько эмотивность. Использование притяжательных местоимений или терминов родства в форме генитива в деминутивном значении маркирует, как правило, речевые ситуации «взрослый – ребенок». Отмечается также, что в коммуникативном акте «взрослый – ребенок» деминутивы выполняют функции прагматических операторов и в то же время располагают эмоционально-оценочным содержанием, указывающим на отношение адресанта (родителей) к адресату (детям). Национальная специфика проявления семантики и прагматики деминутивности в семейном дискурсе нахско-дагестанских языков обнаруживается в том, что при наличии ограниченного набора деминутивных средств (в отличие, например, от русского языка), деминутивность является функционально востребованной категорией. К типичной сфере реализации деминутивности в исследуемых языках относится речь взрослых, чаще всего – матери, обращенная к детям.

Abstract. The article examines the deminutives used in the family discourse of the Nakh-Daghestan languages as vocatives. The relevance of the research topic is due to the lack of development of the pragmatic and semantic aspects of vocatives serving the family discourse of the Nakh-Daghestan languages, as well as the fact that neither the formal nor the functional status, nor the pragmatic potential of the category of deminutivity has yet been clearly determined in the science of language. Based on the material of the Nakh-Daghestan languages, the article demonstrates that deminutives in the communicative act «adult – child» denote not so much deminutiveness as emotiveness. The use of possessive pronouns or kinship terms in the genitive form in a deminutive sense marks, as a rule, speech situations «adult – child». It is also noted that in the communicative act «adult – child» deminutives perform the functions of pragmatic operators and at the same time have emotional and evaluative content indicating the relationship of the addresser (parents) to the addressee (children). The national specificity of the manifestation of the semantics and pragmatics of deminutivity in the family discourse of the Nakh-Daghestan languages is found in the fact that in the presence of a limited set of diminutive means (as, for example, in the Russian language), deminutivity is a functionally developed category. A typical sphere of realization of deminutivity in the studied languages is the speech of adults, most often addressed by mothers to their children.

Ключевые слова: деминутивность, нахско-дагестанские языки, семейный дискурс, коммуникативный акт.

Keywords: deminutivity; Nakh-Daghestan languages; family discourse; communicative act.

Категория деминутивности принадлежит к числу неоднозначно трактуемых и активно дискутируемых вопросов языкознания, что обусловлено в том числе и двойственным характером деминутивности. С точки зрения формального статуса деминутивность рассматривается как лексико-грамматическая категория. С точки зрения функционального статуса категория деминутивности рассматривается как лингвокультурный концепт.

Объектом исследования в данной статье является семейный дискурс нахско-дагестанских языков. Предмет исследования – деминутивы (уменьшительно-ласкательные слова), используемые в семейном дискурсе нахско-дагестанских языков в функции обращения.

Деминутивность как лексико-грамматическая категория представлена средствами различных языковых уровней: лексики и грамматики. На лексическом уровне деминутивы представлены разными частями речи (имена существительные, прилагательные, глаголы). Деминутивы-существительные, как правило, образуются посредством деривации (чаще всего – суффиксации), деминутивы-прилагательные – посредством степени сравнения, деминутивы-глаголы – посредством присоединения модальных частиц. На синтаксическом уровне языка деминутивы представлены словосочетаниями. Синтаксические деминутивы особенно характерны для нахско-дагестанских языков и представляют собой сочетания терминов родства с притяжательными местоимениями. Каждый язык характеризуется своей спецификой реализации категории деминутивности. В одном языке более ярко представлены лексические или лексико-морфологические деминутивы, в другом – синтаксические. В русском языке, например, представлен широкий набор специализированных уменьшительных суффиксов и категория деминутивности наиболее ярко репрезентирована производными суффиксальными именами существительными с уменьшительно-ласкательными суффиксами: *-ок*, *-ик-*, *-ек-*, *-ёк*, *-ец*, *-чик*, *-инк-*, *-енк-*, *-оньк-*, *-ушк-*, *-юшк-*, *-ышк-*, *-ишк-*, *-ица*, *-очка*, *-ишка*, *-ушка*, *-онка*, *-енка*, *-ышко* и др. В нахско-дагестанских языках практически нет деминутивных суффиксов, семантика деминутивности реализуется чаще всего на синтаксическом уровне посредством словосочетаний.

В лингвистических трудах исследуются лишь отдельные аспекты категории деминутивности [1–3]. Как правило, в качестве деминутивов рассматриваются имена существительные суффиксального образования, выражающие малый размер. Прагматические позиции категории деминутивности остались вне поля зрения большинства исследователей.

Категория деминутивности в нахско-дагестанских языках не может рассматриваться в качестве одной из семантических доминант, как, например, в русском языке. В исследуемых языках деминутивность носит более ограниченный характер, но, тем не менее, без нее нельзя обойтись в определенных коммуникативных сферах. Так, в семейном дискурсе нахско-дагестанских языков представлены прагматические ситуации, когда деминутивы достаточно востребованы и свободно используются, например, в речевой ситуации «взрослый – ребенок».

Среди носителей нахско-дагестанских языков употребление уменьшительной лексики характерно, как правило, для женщин. Не только потому, что они больше заняты домашними делами, уходом за детьми и их воспитанием, но и в силу сложившихся традиций, в силу этнического менталитета. Согласно неписаным законам горского этикета поведение мужчин в любой ситуации не допускает проявления чрезмерных эмоций. Мужчине подобает быть сдержанным, в том числе и в проявлении чувств к собственным детям, особенно в публичном общении.

Обращения в коммуникативном акте «взрослый – ребенок» выполняют функции прагматических операторов и в то же время располагают эмоционально-оценочным содержанием, указывающим на отношение адресанта (родителей) к адресату (детям). Деминутивная лексика обладает двумя типами значений. Первый, исходный тип – это уменьшительность (малость), второй, производный тип – это эмоциональная близость. Оба значения выражены в деминутивах одновременно, но в зависимости от типа речевого акта и от иллокутивной цели обращения превалирует то или иное значение. Семантико-прагматическая сущность деминутивов заключается в одновременном обозначении малости и эмоционального отношения к объекту речи.

В каждой семье имеется определенный набор обращений, различной семантической оценки, принятый в данной семье, в данном этническом сообществе, в данном регионе. В зависимости от иллокутивной цели речевого акта адресант использует из набора этих обращений тот или иной вариант, содержащий в себе оценочный показатель.

Семантическая оценочность обращений проявляется в трех разновидностях оценки: мелиоративной, пейоративной и нейтральной. В.В. Звягинцева на основе семантической и прагматической дифференциации обращений выделяет «следующие оттенки оценочности: *оттенок фамильярно-*

сти, выражающий положительную эмоциональную составляющую обращения, подчеркивающий приятельские отношения коммуникантов; *оттенок одобрения*, отражающий положительную реакцию на адресата, его поведение, внешние данные и т.д.; *гипокористический оттенок*, выражающий эмоциональную реакцию со стороны адресанта, связанную с интимно-любковыми чувствами, испытываемыми к собеседнику; *оттенок неодобрения*, передающий пренебрежительное отношение к слушающему; *оттенок иронии*, передающий шуточно-пейоративное отношение к адресату; *оттенок презрения*, выражающий сугубо отрицательное отношение к коммуниканту» [4, с. 14].

Отсутствие мелиоративных суффиксов нахско-дагестанские языки компенсируют применением притяжательных местоимений или терминов родства в форме генитива, преимущественно от слова «мама», например: чеч. *мамин кукол* «мамина кукла», *сан кукол* «моя кукла», *сан малх* «моё солнце», *мамин мерза дуьне* «мамин сладкий мир», «мамина сладкая жизнь» *сан кIорни*, «мой птенчик (цыпленок)», *мамин жима Iахар* «мамин маленький ягненок», *мамин Iахар* «мамин ягненок», *мамин дог* «мамино сердце», *мамин са* «мамина душа», *мамин дашо малх* «мамино золотое солнце»; авар. *бабал ясикIо* «мамина кукла», *дир ясикIо* «моя кукла», *дир чинидул ясикIо* «моя фарфоровая кукла», *бабал бурутI* «мамин ягненок», *бабал бехиу* «мамин козленок», *бабал махI берцинаб тIегь* «мамин ароматный цветок», *бабал тIогьол квацIи* «мамин букет цветов» и т.д.

Наличие в кумыкском языке, как и в других тюркских языках, вокативов с показателями принадлежности, типа: *анам* «мамин ты мой», *суйгеним* «любимая ты моя», – Н.Э. Гаджихмедов объясняет тем, что «в менталитете тюркского человека изначально заложено стремление подчеркнуть принадлежность предмета определенному лицу. Без конкретизации такой принадлежности предметы как бы не существуют. Для тюркского менталитета все вокруг должно кому-то принадлежать. Отношения обладателя и обладаемого всегда были принципиально важными в социально-экономической жизни тюрков» [5, с. 60]. Как нам представляется для носителей исследуемых языков отношения обладателя и обладаемого не носили принципиального характера, а показатели принадлежности главным образом выполняли функцию эмоционального отношения к объекту речи (в нашем случае – к детям), функцию создания комфортных условий речевого общения.

Необходимым условием употребления «детских деминутивов» является речевая ситуация, где центральной фигурой является ребенок. В подобной речевой ситуации ребенок выступает в роли слушающего или адресата.

В нахской и дагестанской лингвокультуре чаще всего в качестве обращений к детям используются зоо- и фитоморфизмы. Названия животных в данной функции являются носителями определенных символов как положительных, так и негативных (красоты, грациозности, изящности, глупости, упрямства, трусости и т.д.). Как заметила Н.Д. Арутюнова, «почти в каждом слове можно обнаружить следы человека. Язык насквозь антропоцентричен. Присутствие человека дает о себе знать во всем пространстве языка, но более всего оно сказывается в лексике и синтаксисе – семантике слов, структуре предложения и организации дискурса» [6, с. 3].

Зоо- и фитоморфизмы в функции вокативов в семейном дискурсе репрезентируют не только антропоцентричность, но и мелиоративность, особенно в обращениях родителей к детям. Например, в чеченском языке употребляются зоонимы-мелиоративы: *борз* «волк», *чайтаI* «медвежонок», *Iахар* «ягненок», *буьхьиг* «козленок», *хьоза* «воробей», *дашо хьоза* «золотой воробей», *кхокха* «голубь», *леча* «сокол», *чIегIардиг* «ласточка», *цициг* «кошка», *пису* «киска», *сай* «олень», *дашо сай* «золотой олень», *котаман кIорни* «цыпленок» и фитонимы-мелиоративы: *зезаг* «цветок», *ровзан* «роза», *петIамат* «мак», *банпа* «одуванчик», *ламзезаг* «эдельвейс», букв. «на скале цветок», *тобалх* «фиалка», *лайса* «подснежник» и др.

Название фиалки в качестве деминутива-апеллятива применяют почти все носители дагестанских языков, в некоторых языках оно уже стало женским личным именем, например: у аварцев – *Манарша*, у даргинцев – *Манаша*, у лезгин – *Беневша* «фиалка».

Языки Центрального и Северного Дагестана, в отличие от языков Южного Дагестана, довольно скупы на проявление нежности и многословия в семейном дискурсе. Под влиянием Азербайджана на юге Дагестана получило распространение традиционное восточное сладкоречие, абсолютно не характерное для Центрального и Северного Дагестана. Восточное многословие и сладкоречие отразилось на вербальных формах проявления вежливости – формулах речевого этикета. Исследуя этнолингвистическое многообразие как феномен Дагестана, З.М. Маллаева пишет: «Хотя Восток и восточные культуры имели большое влияние на дагестанские народы, восточное многословие (сладкоречие) дагестанская культура так и не приняла. Более того, горский этикет близок законам жизни древних спартанцев. Пожалуй, только на юге Дагестана получило распространение традиционное восточное сладкоречие, очевидно, под влиянием соседнего Азербайджана» [7, с. 34].

Чтобы «смягчить» просьбу, что идеально достигается употреблением деминутивных суффиксов, каждый из нахско-дагестанских языков находит свои внутренние ресурсы. В чеченском языке, чтобы смягчить просьбу, перед вокативом употребляется определение *сан дика* «моя хорошая», «мой хороший», например: *Бераш дузде, сан дика нана!* «Накорми детей, моя хорошая мама (= мамочка)!». *Сан дика дада (да), хIума йаа схьавола!* «Мой хороший папа (= папочка), иди кушать». В даргинском языке в препозиции к вокативам-терминам родства прибавляется определение *ахIерси* «дорогой», «дорогая»: *ДурхIни бахен, ахIерси неш!* «Накорми детей, дорогая мама (= мамочка)!». *АхIерси дудеш, ваши укес!* «Дорогой папа (= папочка), иди кушать!» В лакском языке фразы «Папа, иди кушать» и «Дорогой папа (папочка), иди кушать» будут звучать одинаково: *Мяммай, ачу за дукал*. Иногда для «смягчения» просьбы к финитной форме глагола прибавляется формант *-ла*, например: *ОьрчIан дукра дулала, дадай.* «Накорми-ка детей, мама», букв. («Детям еду дай-ка, мама»). В аварском языке аналогичную функцию выполняет модальная частица *-ха*, присоединяемая к форме повелительного наклонения глагола, например: *Лъимазе квен къеха, эбел.* «Накорми же детей, мама». букв. «Детям еду дай-ка, мама»). *Кваназе вачIаха, дада.* «Папа (= папочка), иди кушать». Частицу *-ха* З.М. Маллаева характеризует как «наиболее распространенную в аварском языке, особенно в разговорной речи. Частица *-ха* имеет самые разные значения в зависимости от того: 1) к какому члену предложения она присоединяется; 2) в предложении какого коммуникативного типа функционирует; 3) большое значение имеет также интонация предложения. Приглагольная частица *-ха* в побудительном предложении может передавать семантику побуждения, совета, смягченного требования» [8, с. 78]. Отсутствие терминов родства – деминутивов нахско-дагестанские языки компенсируют отчасти использованием модальных частиц.

Термины родства с уменьшительно-ласкательными суффиксами, типа рус. *мамочка, мамуля, папочка, папуля* и т.д. составляют разряд мелиоративно-коннотативной лексики. Такая лексика, как известно, используются в семейном дискурсе с целью создания комфортных условий речевого общения, для поддержания позитивного контакта. Поскольку нахско-дагестанские языки не располагают такой лексикой, здесь для поддержания позитивного контакта термины родства в вокативной функции применяются не только в сочетании с притяжательными местоимениями, но и с прилагательными качественной характеристики лица, типа: чеч. *дика* «хорошая» – *сан дика йоI* «моя хорошая дочь» или *хьоме* «дорогая» – *сан хьоме йоI* «моя дорогая дочь»; *сан дика кIант* «мой хороший сын»; *сан хьоме кIант* «мой дорогой сын»; авар. *берцинай* «красивая» – *дир берцинай яс* «моя красивая дочь», *лъикIай* «хорошая» – *дир лъикIай яс* «моя хорошая дочь», *цIцIодорав* «умный» – *дир цIцIодорав вас* «мой умный сын», *лебалав* «храбрый» – *дир лебалав вас* «мой храбрый сын»; лак. *ттул ххуйсса души* «моя хорошая дочь», *ттул ялаххуймур души* «моя красивая дочь», *ттул аькълу бусса оьурчI* «мой умный сын», *ттул виричусса оьурчI* «мой храбрый сын»; *ттул ххирасса души* «моя любимая (дорогая) дочь», *ттул ххиратур оьурчI* «мой дорогой сын»; дарг. *дила рурси* «моя дочь», *дила урши* «мой сын», *дила жагаси рурси* «моя красивая дочь», *дила гIяхIси рурси* «моя хорошая дочь», *дила духуси урши* «мой умный сын», *дила гьабзаси урши* «мой храбрый сын» и т.д.

Лексемы *буттал* (род. падеж от *ппу* «отец», «папа»), *ниттил* (род. падеж от *нину* «мать», «мама») и *бавал* (род. падеж от *бава* «мать», «мама») выполняют функции вокативов в значении: *буттал* «папин»; «папина», *ниттил* «мамин», «мамина»; *мяммал* «папин(а)», *бавал* «мамин(а)», «бабушкин(а)». Эти ласковые обращения к детям являются семантическими эквивалентами русских вокативов «сыночек», «доченька», они вполне компенсируют отсутствие в лакском языке, как и в других дагестанских языках, деминутивных (уменьшительно-ласкательных) суффиксов.

«В нахско-дагестанских языках нет таких обращений, как *доченька*, *дочурка*, *сыночек*, *сынуля* и т.п.» [9, с. 90]. От терминов родства «сын», «дочь» в нахско-дагестанских языках не образуются уменьшительно-ласкательные формы. Чтобы передать более нежные отношения, применяют различного рода сочетания вокативов.

В чеченском языке:

ЙоI, сан книга схъайан! «Дочка, принеси мою книгу!» *Сан дика йоI, сан книга схъайан!* «Моя хорошая дочь (= доченька), принеси мою книгу!» *Сан хаза йоI, сан книга схъайан!* «Моя красивая дочь (= доченька), принеси мою книгу!» *Клант, дадеша хIара кехат!* «Сын, прочитай-ка это письмо!» *Сан клант, дадеша хIара кехат!* «Прочитай это письмо, сыночек (букв. «мой сын»)»!

В табасаранском языке:

Я риш, йиз китаб ча! «Дочка, принеси мою книгу!» *Джан риш, йиз китаб ча!* «Доченька, принеси мою книгу!» *Я бай, гьаму кагъаз урх!* «Сын, прочитай это письмо!» *Гьаму кагъаз урх, йиз бай!* «Прочитай это письмо, сыночек (букв. «мой сын»)»!

В лакском языке аналогичные обращения менее эмоциональны, например:

Душ, ттул лу ласи! «Дочка, принеси мою книгу»; *Ттул лу ласила, ттул душ!* «Доченька, принеси-ка мою книгу»; *Арс, ва чагъар буккила!* «Сын, прочитай-ка это письмо!» *Ва чагъар буккила, мяммал (арс)!* «Прочитай-ка это письмо, сыночек (букв. «папин (сын)»)»!

В даргинском языке:

Рурси, дила жуз биха! «Дочка, принеси мою книгу»; *Ва дила рурси, дила жуз биха!* «Дочка моя (доченька), принеси мою книгу»; *Урши, ши кагъар белчIен!* «Сын, прочитай-ка это письмо»; *Ва дила урши, ши кагъар белчIен!* «Прочитай это письмо, сыночек (букв. «эй, мой сын»)»!

Что касается терминов родства «мать» и «отец» в вокативной функции, то в последнее время в речи некоторых представителей молодого поколения дагестанцев под влиянием русского языка наблюдается тенденция употребления этих слов с уменьшительно-ласкательным суффиксом *-ка*, заимствованным из русского языка с сохранением его грамматической семантики, например: лак. *дадей-ка*, *бабей-ка* «мамочка»; лезг. *дах-ка* «папочка» и *бах-а* «мамочка».

Анализ обращений, применяемых детьми по отношению к родителям и родителями по отношению к детям, позволяют сделать вывод о высокой эмоциональности дискурса родителей и детей.

Как уже отмечалось выше в нахско-дагестанских языках не представлены деривационные средства, придающие коннотативную окраску стандартным обращениям, обслуживающим семейный дискурс. В лезгинском языке М.К. Халимбекова выявляет «единственный случай, когда используется уменьшительный суффикс, это обращение к маленькому ребенку, когда прилагательное *бицIи* «маленький» субстантивируется в существительное, и к его основе присоединяется уменьшительный суффикс *-(е)к* со значением «маленький»: *бицIек* – «мальш» [10, с. 65].

В табасаранском языке от той же основы *бицIи* «маленький» присоединением уменьшительного суффикса *-хъ* образуется слово с уменьшительно-ласкательным значением *бицIи-хъ* «мальш», «мальшок».

Аналогичное явление имеет место и в аварском языке: от прилагательного *гьитIинав* «маленький» посредством уменьшительного суффикса *-ч* образуется имя существительное *гьитIич* – «мальш», «мальшок». В лакском языке *чIивитIуй* «мальш», «мальшок» также образовано от слова

Чиви «маленький». Как видим, принцип образования данного термина во всех дагестанских языках одинаков.

В дагестанских языках для придания соответствующим обращениям дополнительного вокативного веса и увеличения их иллокутивной силы чаще всего употребляется заимствованный из русского языка уменьшительно-ласкательный суффикс *-ик*, например: авар. *вацц* «брат» – *вацц-ик* «братик», «братишка», *йацц* «сестра» – *йацц-ик* «сестренка», «сестричка». В лакском языке в такой функции применяется русский уменьшительно-ласкательный суффикс *-ка*, например: лак. *уссей* «брат» – *уссей-ка* «братик», «братишка». Употребление таких форм вокативов формирует комфортные условия общения и поддерживают позитивный контакт. В чеченском языке такое явление не наблюдается.

В аварском языке имеются уменьшительно-ласкательные формы от слов *вацц* «брат» – *ваццако* «братик», «братишка», *йацц* «сестра» – *йаццако* «сестренка», «сестричка», что, собственно, является исключением из общего правила.

Во всех нахско-дагестанских языках в семейном дискурсе не употребляются обращения типа рус. «*сеструха*», «*братан*», «*пахан*», «*братуха*», «*мамаша*» и т.д. Такие обращения не только не характерны для исследуемых языков, но и в принципе недопустимы, поскольку этническое сознание носителей нахско-дагестанских языков не допускает даже возможности применения таких обращений в семейном дискурсе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений: Семантика производного слова. М.: Наука, 1981. 200 с.
2. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996. 416 с.
3. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово/Slovo, 2000. 259 с.
4. Звягинцева В.В. Обращения в семейном дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Курск, 2011. 21 с.
5. Гаджихамедов Н.Э. Язык как индикатор этнического менталитета (на материалах русского и кумыкского языков) // Вестник Дагестанского государственного университета. 2012. Вып. 3. С. 57–61.
6. Арутюнова Н.Д. Введение // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. М.: Индрик, 1999. 424 с.
7. Маллаева З.М. Этнолингвистический феномен Дагестана // Материалы республиканской научной конференции, посвященной 2000-летию г. Дербента «Этнокультурное измерение общедагестанского единства: Историческая традиция и вызовы современности». Махачкала. 2015. С. 32–39.
8. Маллаева З.М. Грамматические категории аварского языка (Модальность. Залоговость). Махачкала: Юпитер, 2002. 250 с.
9. Хачукаева М.Я. Термины родства, функционирующие в качестве средств адресации в семейном дискурсе нахско-дагестанских языков // Вестник Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы. 2017. № 12. С. 87–91.
10. Халимбекова М.К. Этикетная лексика в языках различных культур: лезгинском и английском. Махачкала: АЛЕФ, 2012. 134 с.

Поступила в редакцию 13.07.2023 г.
Принята к печати 28.08.2023 г.

Хачукаева Малика Яхьяевна, помощник проректора по общим вопросам, старший преподаватель чеченского языка и литературы, Российский исламский университет им. Кунта-Хаджи; 364024, Чеченская Республика, г. Грозный, просп. Революции, 21; e-mail: khachukaeva.malika75@mail.ru

Malika Ya. Khachukaeva, assistant vice-rector for general affairs, senior teacher of Chechen language and literature, Russian Islamic University named after Kunta-Haji; 21, Revolution avenue, Grozny, Chechen Republic, 364024; e-mail: khachukaeva.malika75@mail.ru